

Снова посвящается Ширли

Сэр Уолтер Рэли

СЫНУ

*Три вещи есть, что сами хороши,
Они порознь прекрасно процветают,
Но в день, когда встречаются они,
Друг друга вещи мрачно дополняют.*

*Лес, лён, лентяй..
Лес ветку нам для виселицы даст,
Верёвку лён для палача подаст.
Тебе ж, лентяй, пробил последний час.*

*Они сошлись, но радости им мало.
Поникли лён и лес и молодец.
Они сошлись, но горе не дремало:
Прыжок.. Верёвка.. Хрип..
И молодцу конец!*

1

глава

.

Трупом я лежала на церковном дворе. Целый час прошел после того, как последний из присутствующих на похоронах произнес свое печальное «прощай».

В двенадцать часов, ровно в то время, когда мы обычно садились обедать, из Букшоу выдвинулось шествие: мой полированный гроб розового дерева вынесли из гостиной, медленно спустили по широким ступеням к подъездной аллее и с разрывающей сердце легкостью плавно вдвинули в открытую дверь ожидающего катафалка, раздавив букетик полевых цветов, который туда бережно поместил кто-то из горящих поселян.

Затем была долгая поездка по каштановой аллее к Малфордским воротам, свирепые грифоны на которых смотрели в сторону, когда мы их миновали, хотя печаль это была или апатия — я никогда не узнаю.

Доггер, преданный слуга моего отца, размеренно шагнул рядом с неторопливым катафалком, склонив голову и легко положив руку на крышку, словно для того, чтобы защитить мои бранные останки от чего-то видимого только ему. У ворот кто-то из гробовщиков наконец жестами убедил его сесть в автомобиль.

И так они привезли меня в деревню Бишоп-Лейси, утрумо миновав те самые зеленые тропинки и пыльные изгороди, где я каждый день ездила на велосипеде при жизни.

На переполненном кладбище Святого Танкреда меня бережно сняли с катафалка и понесли по извилистой тропинке под липами. Здесь меня на миг опустили на свежескошенную траву.

Затем у разверстой могилы отслужили заупокойную службу, и в голосе vicария звучала нотка искренней скорби, когда он произносил традиционные слова.

Первый раз я слушала заупокойную службу с такой выгодной позиции. В прошлом году мы с отцом посетили похороны старого мистера Дина, деревенского зеленщика. Его могила располагалась всего в нескольких ярдах от того места, где я сейчас лежала. Она уже просела, оставив лишь прямоугольную впадину в траве, которую чаще всего заполняла стоячая дождевая вода.

Моя старшая сестра Офелия заявила, что она осела, потому что мистер Дин воскрес и больше не присутствует там в телесном виде, в то время как Дафна, моя другая старшая сестра, сказала, что это потому, что он провалился в более старую могилу, чей обитатель рассыпался в прах.

Я подумала о супе из костей внизу: суп, в котором я стану просто очередным ингредиентом.

Флавия Сабина де Люс, 1939–1950 — вот что они начертаяют на моем надгробии, скромном и элегантном сером мраморе, и никаких фальшивых сантиментов.

Жаль. Если бы я прожила достаточно долго, я бы оставила письменные инструкции, повелев запечатлеть строчки из Вордсворта:

*Трудно нам её любить
И не за что хвалить.*

А если бы они начали артачиться, в качестве второго варианта я бы предложила:

*Преданнейшие сердца более всего
Склонны к отчаянию из-за недобрых дел.*

Только Фели, певшая и игравшая эти строки на фортепиано, признает в них строчки из «Третьей книги арий» Томаса Кэмпiona, но ее будут так гладать вина и скорбь, что она никому не скажет.

Мои размышления нарушил голос викария:

«...земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху, в надежде на воскресение к вечной жизни благодаря Господу нашему Иисусу Христу; он превратит наше брненное тело...»

И вдруг они ушли, оставив меня одну — одну, слушать червяков.

Вот он: конец пути для бедной Флави.

Сейчас семейство уже вернулось в Букшоу, собралось за длинным узким обеденным столом: отец восседает в привычном каменном молчании, Даффи и Фели с убитым видом обнимают друг друга, едва сдерживая слезы, а миссис Мюллет, наша кухарка, вносит большое блюдо с запеченным мясом.

Я припомнила, как Даффи однажды сказала мне, зачитываясь «Одиссеей», что запеченное мясо в Древней Греции было традиционным яством на похоронах, а я ответила, что с точки зрения миссис Мюллет за две с половиной тысячи лет почти ничего не изменилось.

Но сейчас, когда я мертва, возможно, мне следует поупражняться в снисходительности.

Доггер, разумеется, останется безутешен. Дорогой Доггер: дворецкий, он же шофер, он же камердинер, он же садовник, он же управляющий помещьем, бедная замкнувшаяся в панцирь душа, способности которой ослабевали и усиливались, словно приливы Северна; Доггер, который

недавно спас мне жизнь и забыл об этом на следующее утро. Мне будет ужасно его не хватать.

И мне будет не хватать моей химической лаборатории. Я подумала о золотых часах, которые я провела в заброшенном крыле Букшоу, в блаженном одиночестве посреди колб, реторт и жизнерадостно булькающих пробирок и мензурок. Подумать только, я больше никогда их не увижу. Это почти невыносимо.

Я прислушалась к поднимающемуся ветру, шептавшему над головой в ветвях тисов. Здесь, в тени башни Святого Танкреда, холодало, и скоро стемнеет.

Бедная Флавия! Бедная каменная-ледяная-мертвая Флавия!

Сейчас Фели и Даффи, должно быть, жалеют, что так по-свински обращались со своей младшей сестрой за ее краткие одиннадцать лет на этой земле.

При этой мысли слеза потекла по моей щеке.

Ожидает ли меня Харриет, чтобы приветствовать на небесах?

Харриет — моя мать, погибшая во время несчастного случая в горах через год после моего рождения. Узнает ли она меня десять лет спустя? Будет ли одета в тот же альпинистский костюм или она сменила его на нечто белое?

Что ж, как бы там ни было, я знаю, что это будет стильно.

Внезапно раздалось громкое хлопанье крыльев: звук, отразившийся от каменной стены церкви, усиленный полукром витражного стекла и покосившимися надгробиями, окружавшими меня. Я застыла.

Может быть, это ангел — или, что более вероятно, архангел — снисходит, дабы вознести драгоценную душу Флавии в рай? Если я чуть-чуть приоткрою глаза, то увижу сквозь ресницы, правда нечетко.

Не повезло: это оказалась потрепанная галка из тех, что вечно летают около Святого Танкреда. Эти бездельницы

свиди гнездо в башне еще в XIII веке, когда каменщики собрали свои инструменты и уехали отсюда.

Теперь дурацкая птица неуклюже взгромоздилась на верхушку мраморного пальца, указывающего в небеса, и холодно меня рассматривала яркими смешными глазами-пуговицами, склонив голову набок.

Галки никогда не учатся на своих ошибках. Не важно, сколько раз я проделывала с ними этот трюк, они всегда рано или поздно, хлопая крыльями, слетали с башни полюбопытствовать. Для примитивного мозга галки любое тело, горизонтально лежащее на кладбище, означало одно: пищу.

Как я делала уже дюжину раз, я вскочила на ноги и метнула камень, спрятанный в кулаке. Я промахнулась — но я почти всегда промахивалась.

С презрительным «кар» эта тварь взлетела в воздух и понеслась за церковь, в сторону реки.

Встав на ноги, я осознала, что голодна. Естественно! Я не ела с завтрака. На миг я слегка призадумалась, быть может, я найду оставшиеся пироги с джемом или кусок торта на церковно-приходской кухне. Дамы Алтарной гильдии Святого Танкреда собирались вчера, и шанс есть.

Пробираясь сквозь траву по колено, я услышала необычное сопение и на мгновение подумала, что нахальная галка вернулась, чтобы сказать свое последнее слово.

Я остановилась и прислушалась.

Ничего.

И затем оно снова прозвучало.

Иногда я считаю проклятием, а иногда благословением то, что я унаследовала острый слух Харриет, поскольку я могу, как люблю рассказывать Фели, слышать то, от чего у вас волосы дыбом встанут. Один из звуков, которые я особенно четко улавливаю, — это плач.

Он доносился из северо-восточного угла церковного кладбища — откуда-то из окрестностей деревянного сарая, где могильщик хранил инструменты для копания могил. Я медленно подкрадывалась на цыпочках, а звук становился все громче: кто-то умеет здорово рыдать в старомодной манере, сногсшибательной и душераздирающей.

Простой факт природы: в то время как большинство мужчин пройдут мимо плачущей женщины, словно у них шторы на глазах, а в ушах песок, ни одна женщина не может равнодушно слышать звук, означающий, что у кого-то горе, и не устремиться немедленно на помощь.

Я украдкой глянула за черную мраморную колонну и увидела ее: она, растянувшись во весь рост, лежала лицом вниз на плите из известняка, рыжие волосы растеклись по стершейся надписи, будто ручейки крови. Если бы не сигарета, кокетливо торчавшая между ее пальцами, ее можно было бы принять за рисунок кого-то из прерафаэлитов вроде Берн-Джонса. Я вмешалась почти с сожалением.

— Привет, — сказала я. — Вы в порядке?

Еще один простой факт природы — подобные разговоры вечно начинаются с чрезвычайно глупой фразы. Я пожалела в тот же момент, когда произнесла ее.

— О! Разумеется, я в порядке, — вскрикнула она, вскакивая на ноги и утирая глаза. — С чего это ты подкрадываешься ко мне таким образом? Ты вообще кто?

Резко дернув головой, она отбросила волосы назад и выпятила подбородок. У нее были высокие скулы и впечатляюще треугольное лицо звезды немого кино, и по ее оскалу я определила, что она испугана.

— Флавия, — представилась я. — Меня зовут Флавия де Люс. Я живу неподалеку — в Букшоу. — Я ткнула большим пальцем в приблизительном направлении.

Она продолжала вглядываться в меня, словно женщина во власти ночного кошмара. — Простите, — продолжила я. — Я не хотела пугать вас.

Она выпрямилась во весь рост — не выше пяти футов и пары дюймов — и сделала шаг ко мне, словно вспыхивающая версия Венеры Боттичелли, которую я однажды видела на коробке из-под печенья «Хантли и Палмерс».

Я упрямо стояла на месте, изучая ее платье. Оно было сшито из кремового хлопка, с корсетом в оборках и расширяющейся книзу юбкой, все разрисованное множеством крошечных цветочков — красных, желтых, синих и ярко-оранжевых, как маки, и я не могла не заметить, что подол заляпан слегка подсохшей грязью.

— В чем дело? — поинтересовалась она, взволнованно затягиваясь сигаретой. — Никогда раньше не видела знаменитость?

Знаменитость? Я понятия не имела, кто она такая. Я подумала было сказать ей, что действительно видела кое-кого знаменитого, и это был Уинстон Черчилль. Отец показал мне его, когда мы ехали в лондонском такси. Черчилль стоял перед «Савоем», засунув большие пальцы в карманы жилета и разговаривая с женщиной в желтом макинтоше. «Старый добрый Уинни», — выдохнул отец, словно сам себе.

— О, какой в этом прок! — воскликнула женщина. — Чертово место... чертовы люди... Чертовы автомобили... — И она снова зарыдала.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — поинтересовалась я.

— О, уйди и оставь меня в покое, — всхлипнула она.

Ну и ладно, подумала я. На самом деле я подумала кое-что другое, но поскольку я стараюсь стать лучше...

Я постояла еще миг, слегка подавшись вперед, чтобы рассмотреть, вступают ли ее капающие слезы в реакцию

с пористой поверхностью надгробия. Слезы, насколько мне известно, состоят преимущественно из воды, хлористого натрия, марганца и калия, а известняк в основном из кальция, растворяющегося в хлористом натрии, — но только при высоких температурах. Так что если температура на кладбище Святого Танкреда не возрастет внезапно на несколько сот градусов, маловероятно, что здесь произойдет что-то с химической точки зрения любопытное.

Я отвернулась и пошла прочь.

— Флавия...

Я оглянулась. Она протягивала ко мне руку.

— Извини, — сказала она. — Просто у меня был ужасный день, с самого утра.

Я остановилась, затем медленно, осторожно зашагала обратно, в то время как она утирала глаза тыльной стороной ладони.

— Для начала, Руперт был в отвратительном настроении, еще до того, как мы уехали из Стоутмура. Боюсь, мы поссорились из-за пустяка, а потом еще фургон — это просто стало последней каплей. Он ушел, чтобы найти кого-нибудь, кто его починит, а я... что ж, вот я здесь.

— Мне нравятся ваши рыжие волосы, — сказала я. Она тут же прикоснулась к ним и улыбнулась, почему-то я знала, что она так сделает.

— Морковкина верхушка, меня так дразнили, когда я была в твоём возрасте. Морковкина верхушка! Подумать только!

— Верхушки моркови зеленые, — заметила я. — Кто такой Руперт?

— Кто такой Руперт? — переспросила она. — Ты шутишь!

Она ткнула пальцем, и я повернулась посмотреть: на узкой тропинке в углу кладбища стоял ветхий фургон — «Остин-8». На его крыле броскими золотыми буквами, все еще различ-

мыми, несмотря на толстый слой грязи и пыли, были слова «Куклы Порсона».

— Руперт Порсон, — пояснила она. — Все знают Руперта Порсона. Руперт Порсон и белка Снодди — в «Волшебном королевстве». Ты что, не видела его по телевизору?

Белка Снодди? «Волшебное королевство»?

— У нас в Букшоу нет телевизора, — сказала я. — Отец считает, что это грязное изобретение.

— Твой отец — необычайно мудрый человек, — произнесла она. — Твой отец, без сомнения...

Ее прервало металлическое дребезжание болтающегося щитка цепи, когда викарий, покачиваясь, вырубил из-за угла церкви. Он слез и прислонил свой выдавший виды «Рэли»* к ближайшему надгробию. Пока он шел к нам, я размышляла над тем, что каноник Дэнвин Ричардсон не являет собой образ типичного сельского викария. Он крупный, широколицый и добродушный, и если бы у него были татуировки, его можно было бы принять за капитана одного из тех проржавевших бродячих пароходов, которые устало тащатся из одного купающегося в солнце порта в другой по бог знает каким колониям, еще оставшимся у Британской империи.

Его черное церковное облачение было перепачкано и покрыто полосами известковой пыли, как будто он падал с велосипеда.

— Проклятье! — сказал он, заметив меня. — Я потерял велосипедный зажим для брюк и порвал брючину в клочья. — И затем, отряхнувшись по пути к нам, он добавил: — Синтия убьет меня.

Глаза женщины расширились, и она бросила на меня быстрый взгляд.

* «Рэли» — британская марка велосипедов, одна из старейших в мире.

— Недавно она выцарапала иголкой мои инициалы на всех моих вещах, — продолжил он, — но это не помогло мне не терять вещи. На прошлой неделе — листы для гектографа* для приходского бюллетеня, за неделю до этого — медную дверную ручку от ризницы. Это поистине сводит с ума. Привет, Флавия, — поздоровался он. — Всегда рад видеть тебя в церкви.

— Это наш викарий, каноник Ричардсон, — пояснила я рыжеволосой женщине. — Возможно, он сможет помочь.

— Дэнвин, — представился викарий, протягивая руку незнакомке. — После войны мы не особенно придерживаемся церемоний.

Женщина подала два или три пальца, касаясь его ладони, но ничего не сказала. Когда она вытянула руку, короткий рукав ее платья соскользнул, и я мельком увидела безобразный зелено-пурпурный синяк на верхней части руки. Она торопливо прикрыла его левой рукой, потянув вниз хлопковую ткань.

— Чем могу помочь? — поинтересовался викарий, делая жест в сторону фургона. — Нечасто мы в нашем маленьком пасторальном болоте оказываем содействие августейшему театральному народу.

Она храбро улыбнулась.

— Наш фургон сломался — или что-то в этом роде. Ба-рахлит карбюратор. Если бы дело было связано с электрикой, уверена, Руперт починил бы его в мгновение ока, но, боюсь, то, что относится к топливу, — это выше его сил.

— Голубушка, голубушка, — сказал викарий. — Я уверен, Берт Арчер в гараже все вам сделает. Я позвоню ему, если хотите.

— О нет, — быстро возразила женщина, может быть, слишком быстро, — мы не хотим вас так утруждать. Руперт

* *Гектограф* — предок ксерокса, копировальный аппарат, на котором можно было сделать до ста копий (отсюда и название).